

*Насретдинов М.В.,
студент магистратуры,
Президентская академия*

2 курс, факультет «Государственное и муниципальное управление»

Институт государственной службы и управления

Россия, г. Москва

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ
УПРАВЛЕНИИ: ПОНЯТИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ, РЕГУЛИРОВАНИЕ**

Аннотация: В статье проанализированы теоретические подходы к определению искусственного интеллекта, этапы его технологической эволюции и особенности нормативного регулирования в Российской Федерации. Цель исследования — формирование теоретико-правовой основы применения ИИ в государственном управлении. Используются историко-генетический и нормативно-правовой методы. Выделены стратегический, экспериментальный и стандартизационный контуры регулирования и предложены меры по управлению правовыми и управленческими рисками.

Ключевые слова: искусственный интеллект; государственное управление; правовое регулирование; регуляторные песочницы; управление рисками.

**THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF ARTIFICIAL
INTELLIGENCE USE IN PUBLIC ADMINISTRATION: CONCEPT,
EVOLUTION, REGULATION**

***Annotation:** The article analyses theoretical approaches to defining artificial intelligence, the stages of its technological evolution, and the specific features of its legal regulation in the Russian Federation. The purpose of the study is to develop a theoretical and legal framework for the application of AI in public administration. The research employs historical-genetic and legal methods. Strategic, experimental, and standardization regulatory layers are identified, and measures are proposed to improve the governance of legal and managerial risks associated with AI use in the public sector.*

***Key words:** artificial intelligence; public administration; legal regulation; regulatory sandboxes; risk governance.*

Внедрение искусственного интеллекта в публичном секторе происходит в условиях нормативной фрагментарности и неоднородности управленческих процедур. Отсутствие унифицированных требований к объяснимости алгоритмов и к распределению ответственности повышает риск трансформации технических ошибок в юридически значимые решения органов власти. Это усиливает управленческие и правовые риски: техническая ошибка или смещение в данных может принять форму решения органа власти и затронуть права граждан. Цель статьи связать теоретические представления об ИИ и этапы его развития с действующим нормативным контуром в России и вывести практические требования к правоприменению в государственном управлении.

Научная новизна исследования состоит в систематизации нормативного контура регулирования искусственного интеллекта через выделение трёх взаимосвязанных уровней: стратегического, экспериментального и стандартизационного, и в обосновании необходимости их сопряжения с риск-ориентированной моделью управленческих процедур. В отличие от работ, фокусирующихся либо на технологическом, либо на правовом аспекте, в

статье предлагается интегративный подход, рассматривающий ИИ как объект одновременного правового и управленческого регулирования.

Два базовых источника современного дискурса об ИИ — это:

- поведенческий критерий «интеллекта как поведения» [7, с. 433];
- понимание ИИ как междисциплинарной исследовательской программы [8, с. 1].

На уровне регуляторной логики актуальны принципы «доверенного ИИ» [9, с. 3-4] и риск-ориентированная модель, выделяющая высокорисковые применения и повышенные требования к ним [10]. В исследовании использованы историко-генетический подход (для реконструкции смены технологических парадигм и сопутствующих рисков) и нормативно-правовой анализ (для систематизации действующих российских актов и инструментов регулирования).

Понятийная неоднозначность ИИ обусловлена двойственной природой феномена: «интеллект» является и философской категорией, и инженерной задачей. Для государственного управления ключевой становится операционализация: определение должно позволять задавать требования к данным, контролю и ответственности, а также различать «поддержку решения» и «автоматизированное решение». В российском регулировании закреплена функционально-результативная логика: ИИ трактуется как комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные функции (в том числе самообучение) и обеспечивающих результаты обработки данных, сопоставимые с человеческими при решении практических задач [1]. Для публичной администрации это особенно важно: именно «результат» и «условия получения результата» становятся основанием для управленческой и юридической оценки.

Развитие ИИ имеет волнообразный характер: ранние символические системы и экспертные системы опирались на правила и базы знаний, тогда как современный этап основан на обучении на данных и масштабировании

вычислений [7, с. 447; 8, с. 2]. Это сместило регуляторный фокус от проверки корректности логики к управлению качеством данных, смещениям (bias), устойчивости моделей при изменении условий и объяснимости результата. Для публичного сектора такой сдвиг означает необходимость контролировать не только «алгоритм», но и жизненный цикл данных, дрейф модели, метрики качества, а также контекст применения, поскольку именно они определяют риск ошибок и дискриминационных эффектов.

Российский нормативный контур складывается как комбинация «стратегия + эксперимент + стандарты». Стратегический контур задан Указом Президента РФ № 490 и Национальной стратегией развития ИИ до 2030 года, где прямо обозначены создание благоприятных условий и использование экспериментальных правовых режимов как способ избежать избыточного регулирования [1]. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники до 2024 года задаёт направления адаптации правовой системы к ускоренной технологической динамике [2]. Экспериментальный контур оформлен через механизм экспериментальных правовых режимов (регуляторные «песочницы») [3] и специализированные эксперименты, включая московский режим, связанный с особенностями работы с данными при внедрении ИИ-технологий [4]. Базовым ограничителем и одновременно «опорой» правоприменения остаётся режим персональных данных [5]. Наконец, стандартизационный контур представлен национальными стандартами, направленными на классификацию и типологизацию ИИ-систем для задач регулирования и практического внедрения [6]. В совокупности эти элементы формируют рамку, которая поддерживает внедрение, но оставляет открытыми вопросы ответственности, прозрачности и единых процедур контроля.

Сочетание функциональной дефиниции и экспериментальных режимов ускоряет цифровую трансформацию, но оставляет «узкие места» для легитимности решений. Во-первых, в ведомственных регламентах

целесообразно закреплять минимальные процедурные гарантии: роль человека в контуре принятия решения, требования к объяснению результата и порядок обжалования (особенно там, где ИИ влияет на права и обязанности). Во-вторых, проекты ИИ необходимо классифицировать по риску: решения справочного характера (например, чат-боты) и решения, влияющие на допуск к услугам, надзорные меры или распределение ресурсов, требуют разного уровня контроля и доказательности. В-третьих, практическая применимость правовой рамки зависит от управленческой инфраструктуры: документирования моделей, качества данных, мониторинга эффекта и регулярной оценки рисков — то есть от управленческих процедур, которые дополняют юридические нормы.

Российская модель регулирования искусственного интеллекта характеризуется институциональной гибкостью и ориентацией на стимулирование технологического развития. Вместе с тем её дальнейшая эволюция должна быть связана с формированием процедурно закреплённой риск-ориентированной модели, предусматривающей обязательность документирования алгоритмов, оценку их воздействия и механизмы независимого аудита в случаях, затрагивающих права и обязанности граждан. Для устойчивого применения ИИ в государственном управлении целесообразно:

- унифицировать терминологию в подзаконных актах и ведомственных регламентах на основе определения стратегии и стандартов [1; 6];
- институционализировать риск-ориентированную типологию случаев применения ИИ и минимальные процедурные гарантии для высокорисковых решений, используя логику международных подходов [9, с. 3–4; 10];

- развивать практики документирования, аудита и мониторинга ИИ-систем в органах власти как обязательное управленческое сопровождение внедрения.

Использованные источники:

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
2. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 19.08.2020 № 2129-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.
3. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.
4. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в городе федерального значения Москве : федер. закон Рос. Федерации от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.
5. О персональных данных : федер. закон Рос. Федерации от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
6. ГОСТ Р 59277–2020. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта. — Введ. 2021-01-01. — М. : Стандартинформ, 2020.
7. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59, no. 236. P. 433–460.

8. McCarthy J., Minsky M., Rochester N., Shannon C. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. Hanover, NH, 1955. 17 p.
9. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence / OECD. Paris : OECD Publishing, 2019. 9 p.
10. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L Series.